

На правах рукописи

СТЕЛЬНИК Евгений Викторович

**«ПУТЕШЕСТВИЕ В МИР ИНОЙ»: ОБРАЗ ХАРОНА/ХАРОСА
В КУЛЬТУРЕ И РЕЛИГИОЗНОМ СОЗНАНИИ
ВИЗАНТИЙСКОГО ОБЩЕСТВА**

07.00.03 – Всеобщая история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Волгоград – 2016

Работа выполнена в Федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Волгоградский государственный университет»

Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент **Барabanов Николай Дмитриевич**

Официальные оппоненты: **Куш Татьяна Викторовна** - доктор исторических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Уральский Федеральный университет», заведующая кафедрой древнего мира и средних веков

Пржегорлинский Александр Александрович - кандидат исторических наук, богословский факультет Царицынского Православного университета, преподаватель

Ведущая организация: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Защита состоится «09» декабря 2016 г. в 10 час. 00 мин. на заседании диссертационного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Д **212.029.02** на базе Волгоградского государственного университета по адресу: 400062, г. Волгоград, проспект Университетский, 100.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет» и на сайте <http://www.volsu.ru/Aspirant/dissovet/>

Автореферат диссертации размещен « » _____ 2016 г. на официальном сайте ВАК Министерства образования и науки РФ: <http://vak3.ed.gov.ru>.

Автореферат разослан « » _____ 2016 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Кузнецов
Олег Викторович

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Верования в Харона/Хароса – существенная часть византийских представлений о смерти и загробном мире (Аиде), которые могли выражаться как формально (в риторике), так и неформально (в фольклоре). Смерть в византийской культуре – это важнейший элемент целого хтонического мировоззрения, которое определяло повседневную жизнь больших групп населения. При этом основная часть этих «народных», фольклорных представлений вытеснялась как официальной христианской культурой, так и элитарной литературной традицией. Но именно эти скрытые представления являются непосредственно византийскими. Изучение их крайне важно.

Вызывает несомненный интерес способ организации хтонических представлений о Хароне/Харосе в византийском обществе. Воззрения о Хароне/Харосе по-своему ярко отражают сложную групповую структуру византийского общества. Исследование повседневных практик и бытовой религиозности византийских социальных групп и общин – важнейшая научная проблема. Рассмотрение внутреннего содержания византийских представлений о Хароне/Харосе актуализирует вопрос о массовой религиозности, в которой главенствовали архаичные конструкции и мотивы. Изучение этого содержания позволит определить причины укорененности верований в Харона/Хароса в византийской культуре.

Степень изученности темы. В отечественной историографии образ Харона/Хароса не рассматривался. В зарубежной науке сформировалась целая традиция изучения этого образа смерти. Основы исследования образа Харона/Хароса были заложены еще в XIX в. в контексте традиционных подходов исторической науки и классической филологии. Большинство сделанных тогда выводов не потеряло актуальности вплоть до сегодняшнего

дня. Так, Ю. Амброш (1837 г.)¹, изучая образ древнегреческого Харона в практике античного театра, находил скрытые взаимосвязи между ним и Танатосом. Г. Крюгер (1866 г.)² приходил к схожим выводам, исследуя изображения на надгробных стелах. Б. Шмидт в своей монографии (1871 г.)³ попытался систематизировать весь имевшийся на то время материал о Хароне/Харосе. В итоге он пришел к выводу о существовании «народного» Хароса, образ которого сохраняется вплоть до новогреческого времени, уже в эллинистической древности. Во многом представления Б. Шмидта поддерживал А. Дитерих (1893 г.)⁴. В 30-е годы XX в. идеи Б. Шмидта получили продолжение в исследованиях Ф. де Рюи, рассматривавшего образ этрусского Хару в контексте ближневосточной традиции⁵ и в связи с древнегреческими вариациями Танатоса⁶. В своей обобщающей работе «Хару: этрусский демон смерти» (1934 г.)⁷ ученый пришел к выводу о сложной организации образа Хару, в котором синкретично соединились различные идеологические концепции и культурные влияния.

В 80-е годы XIX в. появляются новые подходы к изучению образа в работах Д. Хесселинга⁸ и С. Рокко⁹. Книга Д. Хесселинга (её положения далее развиваются в статье 1931 г.)¹⁰ – это первая работа, посвященная исключительно Харосу, которую отличает четкий систематизированный

---

¹ Ambrosch J. A. De Charonte Etrusco. Vratislavie, 1837. P. 7–21.

² Krüger G. Charon und Thanatos. Nebst einer Steindrucktafel. Berlin, 1866.

³ Schmidt B. Das Volksleben der Neugriechen und das Hellenische Alterthum. Leipzig, 1871.

⁴ Dieterich A. Nekyia. Beiträge zur Erklärung der neuentdeckten Petrusapokalypse. Leipzig, 1893.

⁵ De Ruyt F. Les traditions orientales dans la démonologie étrusque // L'antiquité classique. 1936. T. 5. Fasc. 1. P. 139–146.

⁶ De Ruyt F. Le Thanatos d'Euripide et le Charun étrusque // L'antiquité classique. 1932. T. 1. Fasc. 1-2. P. 61–77.

⁷ De Ruyt F. Charun, démon étrusque de la mort. Bruxelles, 1934.

⁸ Hesseling D. C. Charos, ein Beitrag zur Kenntnis des neugriechischen Volksglaubens. Leipzig, 1897.

⁹ Rocco S. Sull'origine del Mito di Caronte // Rivista di Storia Antica e Scienze Affini: Diretta da Giacomo Tropea II (1896-1897). Roma, 1972. P. 73–81; Eadem. Il mito di Caronte nell'arte e nella letteratura. Torino, 1897.

¹⁰ Hesseling D. C. Le Charon Byzantin // Neophilologus. 1931. Vol. 16. No. 2. P. 131–135.

подход. Харос у Д. Хесселинга – это результат эволюции и религиозного синкретизма.

Ответом на работу Д. Хесселинга стала книга О. Вазера (1898 г.)¹¹. В фундаментальном исследовании немецкого ученого практически сосредоточены все современные подходы к изучению образа Харона/Хароса. В основе концепции О. Вазера лежала идея эволюции образа. Изначальный древнегреческий образ Харона-лодочника, попав на этрусскую почву, «становился» Хару, а с распространением христианства «превращался» в Хароса. Иной подход можно наблюдать в книге Дж. Лоусона¹². Он не считал Харона-лодочника основным образом, наоборот, этот персонаж для исследователя был вторичным, при этом возникшим достаточно поздно. Первоначальные корни образа автор находил в «темном» пантеоне пеласгов.

В 30-е годы XX в. проблема изучения Харона/Хароса стала предметом византийских исследований. Статья Д. Моравчика¹³ обращала внимание на очевидное несовпадение образов античного Харона и византийского Хароса. По мнению Д. Моравчика, Харос эволюционировал не из Харона (как считал О. Вазер), а из античного образа Танатоса.

Во второй половине XX в. исследования образа Харона/Хароса начались на новом уровне, с активным использованием фольклорного материала. Г. Сонье в статье, посвященной сюжету борьбы Дигениса с Харосом (1972 г.)¹⁴, доказывал, что новогреческий фольклор по своей сути является византийским, и именно фольклор должен являться основным источником для реконструкции образа. В последующих работах исследователь рассматривал исторические обстоятельства, сформировавшие характерные черты византийского Хароса¹⁵,

---

¹¹ Waser O. Charon, Charun, Charos. Mythologisch-Archäologische Monographie. Berlin, 1898.

¹² Lawson J. C. Modern Greek Folklore and Ancient Greek Religion: A Study in Survivals. Cambridge, 1910.

¹³ Moravcsik G. Il Caronte Bizantino // Studi Bizantini o Neoellenici. 1931. V. 3. P. 47–68.

¹⁴ Saunier G. Le combat avec Charos dans les chansons populaires grecques // Ελληνικά. 1972. Т. 25. Τεύχ. 1. Σ. 119–152; Τεύχ. 2 (Μέρος δεύτερο). Σ. 335–370.

¹⁵ Saunier G. Charos et l'Histoire dans les chansons populaires grecques // Revue des Études Grecques. 1982. Vol. 95. N. 452. P. 297–321.

сложные и противоречивые свойства фольклорных героев¹⁶. Фольклорный контекст играет существенную роль в исследованиях М. Алексиу¹⁷.

В 1979 г. появляется монография Х.-Г. Бека¹⁸, значение которой в процессе формирования византийской исторической антропологии сложно переоценить. Автор рассматривает весь спектр представлений – от «народных» до богословских. Х.-Г. Бек поставил вопрос о ментальных слоях в Византии, дал определение менталитету. Важное открытие автора заключается в том, что византийские представления о смерти не являются ни языческими, ни христианскими, а зачастую «суррогатными» и фольклорными. Харос у Х.-Г. Бека оказывается ярким примером таких суррогатных представлений о смерти и загробном мире. Социальные аспекты Харона также исследовал Ф. Д. де Веласко, который уже на древнегреческом материале (изображения на лекифах) находил «народные» и элитарно-литературные представления о Хароне¹⁹.

Обобщая все сказанное, отметим, что в зарубежной литературе были попытки системно рассмотреть образ Харона/Хароса, но они сталкивались с методологическими проблемами искусственного разделения образа на варианты Хару/Харон/Харос.

Объектом данного исследования являются византийские представления об образе Харона/Хароса как комплексе верований о смерти и загробном мире (Аиде).

---

¹⁶ Saunier G. Le pari de Yannis et du soleil // *Études rurales*. 1985. No. 97-98. P. 133-151; Eadem. La fille guerrière et la trahison du saint // *Mètis. Anthropologie des mondes grecs anciens*. 1989. Vol. 4. No. 1. P. 61-85; Eadem. Quelques personnages de la poésie épique // *Les mythes et les legends que partagent les peuples de l'Europe*; Table ronde animée par H. Ahrweiler. Paris, le 21 mars 2003. Paris, 2004. P. 52-59.

¹⁷ Alexiou M. Modern Greek Folklore and its Relation to the Past. The Evolution of Charos in Greek Tradition // *The 'Past' in Medieval and Modern Greek Culture* / ed. S. Vryonis. Malibu, 1978. P. 221-236; Eadem. The Ritual Lament in Greek Tradition. Oxford, 1974. P. 38; Eadem. Literature and popular tradition // *Literature and society in Renaissance Crete* / ed. D. Holton. Cambridge, 1991. P. 239-274.

¹⁸ Beck H.-G. Die Byzantiner und ihr Jenseits: Zur Entstehungsgeschichte einer Mentalität München, 1979.

¹⁹ De Velasco D. F. Caronte-Jaros (Kharos): Ensayo de analisis iconografico // *Erythea*. 1989. V. 10. N. 1. P. 45-56; Eadem. La iconografía griega de Caronte: un análisis puntual del LIMC // *Gerion*. 1989. N. 7. P. 297-322; Eadem. Los caminos de la muerte: religión, rito e iconografía del paso del más allá en la Grecia Antigua. Madrid, 1995. P. 11.

Предмет исследования – социальная стратификация традиционных хтонических представлений о Хароне/Харосе в сложноорганизованном византийском обществе.

Цель исследования – реконструировать целостную картину византийских представлений о Хароне/Харосе, несмотря на изначальную вариативность массовых хтонических верований.

Задачи исследования:

– рассмотреть византийское общество в контексте массовых хтонических представлений; выявить групповые особенности верований в Харона/Хароса и лежащие в их основе социальные практики;

– реконструировать представления о Хароне/Харосе в элитарной среде византийских риториков; определить пути проникновения в риторическую культуру массовых верований; установить механизмы трансформации «классических» литературных описаний Харона под давлением фольклорных конструкций;

– воссоздать византийские массовые представления о Хароне/Харосе в контексте социальной специфики; рассмотреть верования о Харосе в среде крестьян; исследовать представления о Харосе в среде пастухов и горцев; изучить воззрения о Хароне/Харосе в среде византийской военной аристократии; раскрыть представления о Харосе в среде сельских священников.

Географические, хронологические и этнические рамки исследования.

Из-за специфики ментальных представлений и своеобразия источников географические и хронологические рамки имеют широкий диапазон. Хронологические рамки охватывают весь период византийской истории, начиная с позднеимперского времени. География исследования ограничена лишь непостоянным пространством Византийской империи. При этом наша работа основана на исследовании исключительно греческих хтонических представлений. Поэтому у диссертации есть этнические границы.

Методологическая основа исследования. Византийские хтонические представления о Хароне/Харосе являются сложной социокультурной системой, для исследования которой необходим методологический синтез. На первом уровне использовалась герменевтическая методология, которая обеспечила корректное понимание и интерпретацию текста источников. Инструментарий герменевтического круга (предпонимание и понимание текста, истолкование целого на основании знания его частей) позволил выделить в источниках ключевые элементы (сюжеты, знаки и символы) образа Харона/Хароса.

На втором уровне использовалась уже структуралистская методология. Рассмотрев образ Харона/Хароса как своеобразную мифологическую структуру, можно выявить и описать его сущностные черты, которые скрываются за формальными описаниями. Структуралистская практика позволяет рассмотреть византийский образ Харона/Хароса в его изначальном, недеформированном мифологическом виде. На фоне герменевтической и структуралистской парадигм использовались и конкретные исторические методы, а именно: сравнительный метод, ретроспективный, генетический, исторический, наработки исторической психологии.

Источниковая база исследования. Сложность изучения византийского образа Харона/Хароса во многом объясняется состоянием и характером источников. Фрагментированность источников – это главная проблема нашей работы. Особенно это касается свидетельств византийской литературы. Зачастую это просто случайные, мимолетные упоминания об образе Харона, которые сами по себе незначительны и без реконструкции контекста малоинформативны. Дополнительную сложность создает разнородный характер письменных источников. Свидетельства византийских авторов, писавших в жестких жанровых рамках и нормах второй риторики, сопоставлены с фольклорным материалом, который создан коллективным «народным» творчеством по традиционным правилам. Поэтому все источники были разделены на две группы – фольклорные и нарративные.

Нарративные источники в работе представлены различными жанрами и видами. Во-первых, византийские натурфилософские (неоплатонические) сочинения Симпликия Киликийского (ок. 490 – 560 г.)²⁰ и Иоанна Филопона (ок. 480 – 570 г.)²¹, письмо Василия Великого Мартиану²² и неоплатонические трактаты Михаила Пселла «Συλλογαὶ διὰ φοροὶ καὶ ποικίλαι»²³ и «Τὸ περὶ ἐνεργείας δαμῶνων»²⁴.

Во-вторых, византийские филологические и лексикографические сочинения и словари. В рамках исследования рассмотрены «Мириобиблион»²⁵, «Лексика»²⁶ Фотия (ок. 820 – 896 г.), словарь «Суда» (первое упоминание в 976 г.)²⁷, словарь «Большой Этимолог» (ок. 1150 г.)²⁸, комментарии к гомеровским «Илиаде»²⁹ и «Одиссее»³⁰ Евстафия Солунского (ок. 1115 – 1194 г.) и его *перизгесис*³¹.

---

²⁰ Simplicii in libros Aristotelis De anima commentaria // Commentaria in Aristotelem graeca in 23 vol. / ed. M. Hayduck. Berlin, 1882. Vol. 11. P. 194.

²¹ Ioannis Philoponi in Aristotelis de anima libros commentaria // Commentaria in Aristotelem Graeca in 23 vol / ed. M. Hayduck. Berlin, 1897. Vol. 15. P. 390.

²² Basilii Caesariensis. Epistolae // Patrologiae cursus completus. Series graeca in 161 vol / ed. J.-P. Migne. Paris, 1857. Vol. 32. P. 448.

²³ Michael Psellus. Συλλογαὶ διὰ φοροὶ καὶ ποικίλαι // Michaelis Pselli Philosophica minora in 2 vol. / ed. J. M. Duffy, D. J. O'Meara. Leipzig, 1989. Vol. 2. P. 64.

²⁴ Michael Psellus. De operatione daemonum / cum notis Gaulmini, curante Jo. Fr. Boissonade. Norimbergae, 1838. P. 20.

²⁵ Photius. Bibliothèque: Vol. 1–9 / ed. R. Henry. Paris, 1974. Vol. 7. Codex 250. Page 443b. Line 12.

²⁶ Photius. Lexicon / ed. R. Porson. Leipzig, 1823. Kappa 132. Line 24; Kappa 133. Line 2.

²⁷ Suidae Lexicon (Adler A.). chi 135; alpha 1998; nu 146; omega 132; delta 59; kappa 392; gamma 277.

²⁸ Etymologicon magnum: seu verius lexicon saepissime vocabulorum origines indagans ex pluribus lexicis scholiastis et grammaticis anonymi cuiusdam opera concinnatum / ed. T. Gaisford. Oxford, 1848. Σ. 807.

²⁹ Eustathii archiepiscopi Thessalonicensis commentarii ad Homeri Iliadem pertinentes: 4 vols. / ed. M. van der Valk. Leiden, 1971. Vol. 1. P. 27.

³⁰ Eustathii Archiepiscopi Thessalonicensis Commentarii ad Homeri Odysseam: 2 vols / ed. J. G. Stallbaum. Hildesheim, 1970. Vol. 1. P. 391.

³¹ Eustathii Commentarii in Dionysii periegetae orbis descriptionem // Dionysius Periegetes: graece et latine; cum vetustis commentariis et interpretationibus: 2 Bd / ed. G. Bernhardt. Hildesheim, 1974. Bd. 1. S. 313.

В третьей группе – византийская историография в лице Прокопия Кесарийского (500 – 560 гг.)³², Иоанна Малалы (ок. 491 – 578 г.)³³, Льва Диакона (до 950 – ок. 1000 г.)³⁴, Иоанна Скилицы (в 1081–1118 г. на службе у Алексея Комнина)³⁵, Георгия Кедрина (кон. XI – нач. XII в.), Никифора Вриенния (1062 – 1137 гг.)³⁶, Анны Комниной (1.12.1083 – 1153 г.)³⁷, Иоанна Зонары (ум. после 1159 г.)³⁸, Никиты Хониата (1155–1217 гг.) и Георгия Пахимера (1242 – ок. 1310 г.)³⁹.

В-четвертых, византийская сатира – «Греческий диалог в подражание Лукиану» (XIII – XIV вв.)⁴⁰ и «Мазарис» (нач. XV в.)⁴¹.

Пятая жанровая группа представлена византийской поэзией. Для реконструкции представлений о Хароне/Харосе использованы поэма «Взятие Крита» Феодосия Диакона (не ранее 961 г.), поэма «Падение Солуни» (написана до февраля 1186 г.) Евстафия Солунского⁴², поэма Михаила Пселла (1018 – ок. 1078 г.), посвященная смерти севасты Марии Склир («Τοῦ Ὑπερτί μου κυροῦ Μιχαήλ τοῦ Ψελλοῦ πρὸς τὸν βασιλέα Μονομάχον») ⁴³ и «Повесть о Дросилле и Харикле», написанная Никитой Евгенианом (XII в.)⁴⁴.

---

³² Procopius. *History of the Wars* // *Procopius in Seven Volumes* / trans. H. B. Dewing. London, 1962. Vol. V. P. 266–267.

³³ Ioannis Malalae *Chronographia* / ed. L. Dindorf. Bonn, 1831. P. 205.

³⁴ Лев Диякон. *История* / пер. М. М. Копыленко. М., 1988. С. 66.

³⁵ Joannes Scylitzes. *Synopsis Historiarum* / ed. I. Turn. Berlin, 1978. S. 293.

³⁶ : introduction, texte, traduction et notes / ed. P. Gautier. Bruxelles, 1975. Book 1. Section 2. Line 12–13.

³⁷ Анна Комнина. *Алексиада* / пер. с древнегреч. Я. Н. Любарского. М., 1956. С. 130.

³⁸ Ioannis Zonarae *Epitome Historiarum* / ed. L. Dindorf. Lipsiae, 1868. Vol. 1. P. 526.

³⁹ Pachymérès Georges. *Relationes historiques* / éd. A. Failler, trad. V. Laurent. Paris, 1984. P. 171.

⁴⁰ Соколова Т. М. Еще одно «подражание» Лукиану // *Античность и Византия*. М., 1975. С. 195.

⁴¹ Мазарис // *Византийский сатирический диалог* / изд. подгот. С. В. Полякова, И. В. Феленковская. Ленинград, 1986, С. 98, 115.

⁴² Eustathios of the Thessaloniki. *Capture of Thessaloniki* / trans. introduction, commentary J. R. Melville-Jones. Canberra, 1998. P. 7.

⁴³ Psellus Michael. *Poemata* / ed. L. G. Westerink. Stuttgart, 1992. Poem 17. Line 21.

⁴⁴ Никита Евгениан. *Повесть о Дросилле и Харикле* / изд. подгот. Ф. А. Петровский. М., 1969. С. 22.

Кроме того, были исследованы две эпитафии Иоанна Геометра (Кириота)⁴⁵ (ок. 940 – после 990 г.) и одна эпитафия Георгия Акрополита (ок. 1217 – 1282 г.), посвященная императору Иоанну Дуке⁴⁶.

Фольклорные источники представлены византийскими народными песнями. В своей работе мы использовали новогреческие народные песни различных академических сборников. В первую очередь необходимо сказать о сборнике А. Пассова⁴⁷, который является самым фундаментальным научным изданием новогреческих песен. Наш интерес в сборнике сконцентрирован вокруг песен харонического цикла (*Carmina Charoneia*), состоящего из 28 песен. Следующий источник – сборник К. Форьяля, вышедший в 1825 г.⁴⁸. Для анализа были использованы 4 песни из этого сборника. Исключительно важным источником являются песни, собранные Н. Политисом в сборнике «Акритские песни о смерти Дигениса»⁴⁹. Сборник состоит из 67 песен, разбитых по сюжетам и регионам их распространения. Необходимо упомянуть единственный сборник новогреческих песен на русском языке, изданный после 1917 года. Это небольшой, вышедший в 1957 г. сборник песен, собранных и переведенных В. Нейштадтом⁵⁰.

Подводя итог рассмотрению источниковой базы диссертационного исследования, можно сказать, что, несмотря на все сложности, анализ доступных источников позволяет раскрыть образ Харона/Хароса и византийское хтоническое мировоззрение в его ментальном разнообразии.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые образ Харона/Хароса рассмотрен в контексте структуралистского анализа на

---

⁴⁵ Appendix ad excerpta poetica: codex 352 suppl. // *Anecdota graeca e codd. manuscriptis Bibliothecae regiae parisienses: in 4 vols / ed. J. A. Cramer. Oxford, 1841 (repr. Hildesheim, 1967).* Vol. IV. P. 313, 314, 327.

⁴⁶ *Georgii Acropolitae Epitaphius in Joannem Ducam // Georgii Acropolitae opera: 2 vols. / ed. A. Heisenberg. Stuttgart, 1978. Bd. 2. 1. Line 4.*

⁴⁷ *Τραγούδια ρωμαίικα = Popularia carmina Graeciae recentioris / ed. A. Passow. Lipsiae. 1860. Σ. 291–310.*

⁴⁸ *Fauriel C. Neugriechische Volkslieder. Leipzig, 1825. Т. II. S. 4, 6, 8, 52.*

⁴⁹ *Πολίτης Ν. Γ. Ακρϊτικὰ ἔσματα. Ὁ θ ἀνατος τοῦ Διγενῆ // Λαογραφί α. Αφῆναι, 1909. Т. 1. 1909. Σ. 169–275.*

⁵⁰ *Греческие народные песни / выбрал и перевел В. Нейштадт. М., 1957.*

основании большого массива источников (литературных и фольклорных). При этом в тематику исследований византийской «народной» религиозности вводятся не использовавшиеся ранее свидетельства Иоанна Малалы, Феодосия Дякона, византийских неоплатоников (Симпликия Киликийского, Иоанна Филопона, Михаила (Псевдо-?) Пселла), интерпретации филологических словарей и схолий. Впервые обращается внимание на присутствие в историографической литературе прозвища «Харон», которое неожиданным образом раскрывает мировоззрение военной аристократии, ставится вопрос о значении термина *παρανύ λωμα*, который позволяет по-новому увидеть загробный мир как особый мифологический механизм.

В работе свидетельства византийской литературы сопоставлены с материалом византийского фольклора, при этом выявлены проникновение в «закрытые» элитарные литературные жанры фольклорного содержания и деформация традиционных литературных античных образов.

Анализ византийских народных песен (106 песен) позволил отойти от традиционной для историографии Харона/Хароса идеи эволюции образа и перейти к концепции одновременного существования в различных социальных группах византийского общества неодинаковых хтонических представлений. Удалось установить, что эта вариантность представлений о Хароне/Харосе обусловлена социальными практиками слабо связанных между собой византийских страт. В рамках исследования дана характеристика представлениям о Хароне/Харосе в пяти византийских социальных стратах.

Теоретическая и практическая значимость. Результаты исследования могут применяться для написания работ по византийской религиозности, «высокой» и «народной» византийской культуре, а также для обобщающих трудов по истории Византии. В учебном процессе наблюдения и выводы можно использовать при создании учебных пособий по антропологии религии, разработке спецкурсов по «народной» религиозности.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. Византийские представления о Хароне/Харосе имели сложный характер. Корни этой сложности лежали в дисперсной организации византийского общества. Официальное православие объединяло все социальные группы, но в сфере повседневной, бытовой мифологии социальные страты и региональные группы были автономны. Особенности повседневного быта и деятельности формировали в каждой замкнутой византийской страте специфическое отношение к смерти и загробному миру, которое выражалось в различных вариантах образа Харона/Хароса.

2. Причиной социального разнообразия представлений о Хароне/Харосе необходимо считать отличные условия жизни различных групп населения. При этом условия жизни у разных страт формировались по несхожим принципам. Используемые источники позволяют реконструировать пять страт византийского общества, имеющих оригинальные представления о Хароне/Харосе, о хтоническом мире и способах взаимоотношений с ним. Это риторы, крестьяне, горцы-пастухи, провинциальные военные аристократы и приходские священники.

3. Византийские верования в Харона/Хароса можно условно разделить на две неравные части: воззрения византийской интеллектуальной элиты и массовые представления «народа». При этом элитарные, риторические представления оказываются по существу «древнегреческими». Это античное понимание образа формально и искусственно являет собой лишь риторический топос.

4. Массовые представления о Хароне/Харосе часть латентного византийского хтонического мировоззрения. Образ Харона/Хароса демонстрирует архаичный способ мышления, в котором пространство, космос, люди подчиняются действиям могущественных «подземных» сил. В основе этого мышления лежат верования о балансе между миром живых и миром мертвых, концепция о «долге перед Хароном». Массовые представления в своих вариантах проникали в интеллектуальную среду, где усваивались или трансформировались под влиянием правил риторики.

5. Массовые верования в Харона/Хароса выявлены в четырех социальных вариантах. Основной объём представлений о Харосе производил многочисленный слой византийских крестьян. Харос в этой страте осмысливался в рамках архаичной растительной мифологии и соляных значений. Влияние греческого ландшафта проявляется в представлениях о Харосе горных жителей и пастухов. Харос в этом слое – элемент хтонической горной (акмонидской) мифологии и суровый бог плохой погоды. Харос в среде провинциальной военной аристократии был элементом архаичной военной мифологии, которая ярко выражалась в сюжете схватки героя с Харосом. Со слоем приходских священников связано возникновение элементов «народного православия», то есть специфическая фольклорная картина мира, в которой Харос – это ангел, находящийся на службе у Бога, или святой.

Степень достоверности. Достоверность приведенных выше научных положений подтверждается методологически обоснованным анализом широкого спектра письменных источников различных видов (литературных и фольклорных). Научные выводы, сформулированные в диссертации, подкреплены убедительными фактическими данными.

Апробация результатов. По материалам диссертации опубликовано 12 научных статей, из которых 3 – в журналах, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ. В 2002–2016 гг. прочитано 17 докладов на региональных научных конференциях. Два научных сообщения сделаны в рамках международных конференций: Международной научно-практической конференции «Военная история России: проблемы, поиски, решения», посвященной 100-летию Первой мировой войны (Волгоград, 26–27 сент. 2014 г.); Международной научной конференции, посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной войне (Волгоград, 25–26 сент. 2015 г.).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, обзора источников, трех глав, заключения и списка использованных источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Во **введении** обоснована актуальность темы, дан анализ научной литературы и источников, определены цели и задачи, хронологические, географические и этнические рамки, методологическая основа исследования, отмечена научная новизна и обоснована структура работы.

В **первой главе «Социальная стратификация византийских представлений о Хароне/Харосе»** в процессе анализа историографии и источников рассмотрена византийская социальная структура с точки зрения функционирования хтонических верований в Харона/Хароса. Такой подход помог выделить в сложноорганизованном византийском обществе пять основных социальных групп (страт) с оригинальными хтоническими представлениями о Хароне/Харосе.

В **первом параграфе** вопрос о византийском обществе рассматривается как актуальная научная проблема. Современная методология позволяет рассматривать византийское общество как сложную совокупность социальных групп (страт), слабо связанных между собой. Разобщенность оказывается главной социальной характеристикой такого общества. Семейность/клановость становятся залогом консервативности и традиционности византийской социальной структуры, а хтонические представления о Хароне/Харосе укореняются самым образом жизни замкнутых общин.

Во **втором параграфе** изучены подходы к социальной стратификации византийского общества, предложенные в работах Х.-Г. Бека, С. Мэнго, Г. Сонье, П. Берка и Ф. Д. де Веласко. На этом основании сформулирован принцип выделения страт со специфическими хтоническими представлениями о Хароне/Харосе. В основе этого принципа лежат социальные практики, которые у разных групп формировались различными способами. В итоге удалось выделить пять византийских страт с самостоятельными представлениями о Хароне/Харосе: византийские риторы, крестьяне, живущие в долинах, горцы/пастухи, провинциальные военные аристократы и приходские

священники. В общем плане хтонические представления делятся на две неравные группы: элитарную античную литературную традицию и массовые фольклорные верования.

В *третьем параграфе* рассматривается феномен разнообразия имен Харона/Хароса. В различных социальных группах образ имеет разные имена. В элитарной группе риториков сохранилось античное имя ὁ Χάρων. В «народных» представлениях эта литературная форма имени не встречается, а образ может иметь сразу несколько имен: ὁ Χάρων, ὁ Χάρος, ὁ Χάρωντας, ὁ Χά' ος и даже ὁ Χείρων (Хирон). Это разнообразие – важное свойство спонтанных, слабо систематизированных массовых представлений.

В *четвертом параграфе* раскрывается специфика риторской страты византийского общества, в основе которой лежали литературная деятельность и филология. Эту узкую, замкнутую социальную страту отличает элитарный характер, который подчеркивается высоким уровнем образования, недоступным не только широким массам населения, но и средним слоям общества. Этот слой отличают особые «лингвистические навыки» (аттический диалект) и ориентация на классическую древнегреческую литературу. Образ Харона в этой страте носит явный античный характер и является лишь риторическим топосом. Религиозного наполнения этот «пустой» образ не имеет.

В *пятом параграфе* определяется стратификация массовых византийских представлений о Хароне/Харосе и дается характеристика стратам, основу повседневной жизни которых определяло фольклорное мировоззрение, для которых классическое образование было недоступно в силу разнообразных социальных и экономических причин. Ключевой византийской стратой является слой крестьянских общин, носителей мощной растительной мифологии. В основе религиозных представлений этой страты находились архаичные конструкции античного фольклора. Образ Хароса в этой страте организуется в рамках земледельческих практик и крестьянских повседневных привычек. Религиозность страты «профессиональных» пастухов/горцев

определяла мифология атмосферных и солярных явлений, которая выражалась в архаичных культах гор и камней. Жизнь в горах наделяла Хароса «каменными» чертами. Специфику страты военной провинциальной аристократии определяли не природные, а социальные условия. Бесконечные войны, «феодалные» властные практики способствовали милитаризации сознания этого социального слоя. Поэтому и Харон/Харос здесь становился образом военной хтонической мифологии. Страта приходских священников – самый сложный византийский социальный слой, так как находится на стыке церковной и фольклорной культур. Религиозность этой социальной группы определяло столкновение церковного образования (зачастую самого поверхностного) с традиционными крестьянскими практиками. Так возникало оригинальное «народное» православие, а Харос в этом слое становился «суррогатным» образом.

Вторая глава «Античный Харон в византийской риторической традиции» посвящена исследованию представлений о Хароне/Харосе в страте византийских риторов, создателей византийской литературы. Представления о Хароне/Харосе рассматриваются в различных литературных жанрах, при этом определяется жанровая византийская специфика рецепции античных описаний Харона-лодочника и результаты проникновения в литературную традицию фольклорных сюжетов.

В *первом параграфе* произведен анализ сложившегося в античной литературе стереотипного описания Харона-лодочника, рассмотрены его внешность, атрибуты и функции. Античная традиция литературного образа Харона была образцом для византийских литераторов, но этот образец представлялся в разных литературных жанрах различными способами.

Второй параграф посвящен исследованию образа Харона в «Мириобиблионе» и «Лексике» Фотия, в филологических словарях «Суда» и «Большой Этимолог», схолиях Евстафия Солунского. Эти риторические тексты старательно воспроизводят античный литературный образ Харона-лодочника. Харон здесь – это идиома, литературный прием, инструмент в арсенале умелого

ритора. Эти филологические тексты сформировали риторический стандарт использования образа Харона для всей византийской литературы, особенно для историографии.

В *третьем параграфе* рассматривается параллельная филологической традиции натурфилософская (неоплатоническая) литература и свойственный ей образ Харона. В византийской философской прозе Харон превращается в категорию античной физики. Подземный мир Харона (Χαρώνεια) представлялся как место первичного хаоса и причина движения воздуха и вод. Харон и Харонейя здесь уже не риторический прием, а «научный» термин.

В *четвертом параграфе* анализируется образ Харона в рамках византийского жанра сатиры. Диалоги «Греческий диалог в подражание Лукиану» и «Мазарис» всецело находятся в типичном для византийских авторов подражании античному авторитету Лукиана («Мазарис» опирается еще и на Аристофана). Естественно, что Харон здесь стереотипен.

В *пятом параграфе* изучается риторический образ Харона в византийской историографии. Харон в исторических сочинениях является элементом античной литературной эрудиции. Так, Прокопий Кесарийский демонстрировал свою литературную компетентность, опираясь сразу на две античные традиции – на натурфилософскую (описание Бриттии как Харонейи) и историографическую (барка Харона, заимствованная из текста Диодора Сицилийского). Харон у Никиты Хониата – также возможность продемонстрировать интеллектуальность, но и особенное чувство юмора. Образ Харона у него – своеобразная литературная игра с читателем, который также должен прочитывать античные значения образа. Сюжет «Сон Иоанна Векка» у Георгия Пахимера – аккумуляция всей древнегреческой традиции нисхождений в подземный мир. В основе сюжета лежит риторическая амплификация, когда стереотипные образы (поле, кони, река) повторяются с нарастающей эмоциональной интенсивностью.

В *шестом параграфе* раскрывается процесс проникновения в риторическую традицию фольклорных сюжетов. Результатом этого действия

является деформация литературного образа Харона, который сохраняет свое литературное имя, но получает фольклорное содержание Хароса. Эту деформацию традиционного книжного образа можно наблюдать у Иоанна Малалы, в поэмах Феодосия Диакона, Евстафия Солунского и Михаила Пселла, в эпитафиях Иоанна Геометра (Кириота) и Георгия Акрополита, в повести Никиты Евгениана, у историков Иоанна Скилицы, Льва Диакона, Иоанна Зонары, Никифора Вриенния, Анны Комниной. Это «отступление» риторики объясняется спецификой жанров, близких к фольклорной среде, и «народным» языком. Так, византийское поэтическое творчество всегда опиралось на фольклорный фонд значений и образов.

В *седьмом параграфе* подводится итог риторическим представлениям о Хароне. Делается вывод о том, что в основе этих воззрений лежали античные традиции (литературная и натурфилософская). Даже проникавшие в риторическую сферу фольклорные представления рассматривались ритором в контексте классических литературных категорий. Харон в риторических представлениях – всегда часть литературной практики и никогда религиозной.

В *третьей главе «Харос в византийских массовых хтонических представлениях»* раскрыты популярные «низовые» верования в Хароса. Эти массовые представления являются по своей сути повседневной мифологией и важнейшим элементом «народной» византийской культуры. Народные песни позволяют выделить четыре социальных варианта воззрений о Харосе.

В *первом параграфе* дается полная характеристика византийским народным песням как ключевому источнику реконструкции массовых, фольклорных представлений о Харосе. Определены главные свойства этого важного источника (архаизм, традиционность, спонтанный демотический язык), описаны социальные слои, стоящие за массивом «народных» песен, со свойственными им ментальными привычками.

Во *втором параграфе* анализируются архаические мотивы, присутствующие в византийских народных песнях. Архаика играет важнейшую роль в массовых представлениях о Харосе. В песнях она оказывается наследием

античного фольклора. Характерны здесь акмонидские значения образа Хароса, которые уводят нас в доолимпийскую хтоническую мифологию. Архаические конструкции стоят и за зооморфными образами Хароса (Харос как собака, Харос как охотник с собакой, Конь Хароса), и за его охотничьими функциями. Архаика универсальна для всех византийских социальных групп.

В *третьем параграфе* рассмотрены представления о Харосе в страте крестьянских общин. Образ Хароса в этой страте организуется в контексте архаичной солярной (сюжет «дверь Харона») и развитой античной растительной мифологий (сюжет «сад Хароса»). Харос в этой социальной группе является всеильным хтоническим персонажем, который своим произволом создает Аид и распоряжается судьбами людей (сюжет «шатер Хароса»).

Четвертый параграф посвящен изучению образа Хароса в страте пастухов/горных жителей. В этой страте Харос формируется под влиянием архаичной горной мифологии. Харос представляется в виде большой горы, закрывающей солнце, или хтонического божества штормовой погоды, бушующего в горах. Представления пастухов/горных жителей раскрываются в цикле песен «Харос и пастух».

В *пятом параграфе* изучаются представления о Харосе в среде византийской военной аристократии. В этой страте Харос оказывается в контексте античной военной мифологии. Образ Хароса милитаризируется и приобретает черты господствующего класса (*δυνατοί*). Харос представляется в виде воина-всадника, властно распоряжающегося подчиненными ему людьми. Оружие Хароса (меч, нож, лук) выражает различные концепции смерти. Схватка с Харосом – ключевая точка аристократических представлений. Сама схватка имеет солярное значение и отражает целый комплекс архаичных представлений о переходе в «нижний» мир.

В *шестом параграфе* исследуются представления о Харосе в страте приходских священников. Это сфера «суррогатных» представлений, в которых фольклорное мировоззрение парадоксально сливается с церковной культурой.

Харос в этой социальной группе представляется стоящим на службе у Бога. Харос становится ангелом (или святым), который вместе с архангелом Михаилом забирает души смертных. Этот же процесс слияния фиксируют иллюстрации византийских Псалтырей IX в., на которых Харос оказывается персонификацией «христианского» Аида.

В *седьмом параграфе* подводится итог византийским массовым представлениям о Харосе. Делается вывод о том, что различные социальные варианты воззрений о Харосе являются этапами медленной эволюции верований в Хароса. Самыми архаичными представлениями являются верования пастухов/горных жителей, более развиты воззрения крестьян и военных аристократов, но все эти страты находились все еще в традиционных рамках античного фольклора. Страта приходских священников выходит за эти античные рамки и формирует собственно средневековые, византийские представления о Харосе.

В **заключении** подведены итоги диссертационной работы. Исследование позволило реконструировать византийские представления об образе Харона/Хароса. Эта реконструкция стала возможна только в контексте социальной стратификации, когда вместо поиска одного общего образа Харона/Хароса необходимо было исследовать этот образ в каждой социальной страте отдельно. В ходе исследования удалось установить, что византийские представления о Хароне/Харосе разделяются на два неравных уровня. Первый уровень – это формальные риторические представления о Хароне-лодочнике. Второй уровень – это неформальные массовые представления о Харосе. В социальном плане риторические построения о Хароне локализируются в узком слое византийских риторов. Харон в сочинениях византийских риторов и филологов – это только топос, осколок древнегреческой литературы, элемент украшения профессионально организованного текста. Византийский автор, упоминающий Харона, демонстрировал свою литературную эрудицию и писательское мастерство. Такой Харон – результат литературной игры, «виртуальная реальность».

На фоне организованного риторического образа Харона выделяются массовые представления о Хароне/Харосе, которые отличаются несистематизированностью и спонтанностью. Харос в «народных» конструкциях – часть архаичного хтонического мировоззрения и существенный элемент «народной» религии. На основании анализа доступных нам греческих народных песен можно говорить как минимум о четырех фольклорных вариантах Харона/Хароса. Эти варианты возникают в специфических условиях повседневного быта и труда, который осмысливался в традиционных мифологических категориях. За каждым фольклорным вариантом стоит своя повседневная практика. Общим для всех вариантов массовых византийских представлений является древнегреческая архаика и древнегреческий (значительно реже древнеримский) фольклор. Разнообразие хозяйственных укладов, сложное сочетание социальных групп, региональная и местная обособленность – все это способствовало ментальному разнообразию, которое характерно для «дисперсного» средневекового общества. Массовые, во многом стихийные, слабо отрефлексированные представления о Хароне/Харосе в разных социальных и природных условиях получали свои особенные черты.

СПИСОК РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Статьи в изданиях, рекомендуемых ВАК Минобрнауки России

1. Стельник, Е. В. К реконструкции византийских представлений о смерти. Прозвище Харон в контексте фольклорной танатологии / Е. В. Стельник // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. «История. Регионоведение. Международные отношения». 2011. – № 1 (19). – С. 52–58 [0,64 п.л.].
2. Стельник, Е. В. «Сад Хароса» как византийская фольклорная модель загробного мира / Е. В. Стельник // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. «История. Регионоведение. Международные отношения». 2012. – № 2 (22). – С. 145–148 [0,39 п.л.].

3. Стельник, Е. В. Харос в византийском «народном православии» / Е. В. Стельник // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2012. – Т. 73. – № 9. – С. 53–56 [0,35 п.л.].

Научные публикации в других изданиях

4. Стельник, Е. В. К истории греческих представлений о загробном мире. Эволюция образа Харона / Е. В. Стельник // VII межвузовская конференция студентов и молодых ученых г. Волгограда и Волгоградской области 12–15 ноября 2002 г. Вып. 3: тез. док. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2011. – С. 149–150 [0,12 п.л.].

5. Стельник, Е. В. Топология пути в загробный мир в античных и раннехристианских представлениях / Е. В. Стельник // Мир Православия: сб. ст. / сост.: Н. Д. Барабанов, О. А. Горбань. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2004. – Вып. 5. – С. 24–50 [1,02 п.л.].

6. Стельник, Е. В. Смерть иерархов. Сон Иоанна Векка в «Истории» Георгия Пахимера в контексте античной танатологии / Е. В. Стельник // Мир Византии: Проблемы истории Церкви, армии и общества: сб. ст. – Армавир; Волгоград. 2011. – С. 44–64 [0,79 п.л.].

7. Стельник, Е. В. «Народное» мировоззрение в византийской риторике на примере некоторых сочинений Михаила Пселла / Е. В. Стельник // VI Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Дни науки исторического факультета – 2013». – Киев : Изд-во КНУ имени Тараса Шевченко, 2013. – Ч. 6. – С. 60–62 [0,08 п.л.].

8. Стельник, Е. В. Значения термина *παράνυ λωμα* в эпитафии Георгия Акрополита на смерть Дуки Ватаца. Фольклор в византийской риторике / Е. В. Стельник // Материалы научной сессии, г. Волгоград, 21–25 апр. 2014 г. В 2 ч. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2014. Ч. 1. – С. 41–43 [0,18 п.л.].

9. Стельник, Е. В. Харос и грех гордыни в византийском фольклоре / Е. В. Стельник // Молодежь в мире Православия. Вып. 2. Тезисы и материалы

научно-богословской молодежной конференции. – Москва, 2014. – С. 15–21 [0,25 п.л.].

10. Стельник, Е. В. Символика оружия в акритских песнях X – XII веков / Е. В. Стельник // Военная история России: проблемы, поиски, решения: материалы Международной научной конференции, посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной войне, Волгоград, 25–26 сент. 2015 г. В 2 ч. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2015. – Ч. 2. – С. 57–66 [0,55 п.л.].

11. Стельник, Е. В. Харос как ангел в византийском народном богословии / Е. В. Стельник // Мир Православия: сб. ст. / сост.: Н. Д. Барабанов, О. А. Горбань. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2015. – Вып. 9. – С. 100–117 [1,23 п.л.].

12. Стельник, Е. В. Харонейя и барка Харона в описании Прокопия Кесарийского // Культурно-исторические исследования в Поволжье: проблемы и перспективы: материалы III Всероссийского научно-методологического семинара (Самара, 26–27 октября 2015 г.). – Самара : ООО «Книга», 2015. – С. 564–570 [0,36 п.л.].